

значком на монетах Пизона Фруги²⁰, мы должны прийти к выводу, что Варрон имел в виду рало, в котором рукоятка и лемех составляют одну часть, соединяющуюся с грядилем (*agraire chambige*, по классификации Одрикура²¹; *beam-ard* по классификации Уайта, стр. 127), по всей вероятности, рало Северо-Западной Италии — родных ему мест.

Можно еще и еще приводить примеры книги Уайта, но и сказанного, думается, достаточно, чтобы показать и метод его работы и вес достигнутых им результатов. Рука об руку с этой созидательной работой идет «разрушительная», не менее нужная и важная: Уайт неизменно указывает на ошибки и промахи своих предшественников. «Серпы», изображенные в статье Рейнака (см. прим. 8), оказались в значительной части своей садовыми ножами; изображение марры у Рича никоим образом не подходит к описанию этой тяжелой мотыги у авторов (оригинала ее нет); Бийар²² перепутал *igrex*, *gastrum* и *maiga* как орудия почти одинаковые; Коллар смешал волокушу с зубчатой бороной²³. Таких поправок Уайт сделал много.

В рецензируемой работе есть мысли, четко автором не сформулированные, но совершенно ясные. Одна из них, неоспоримо подтверждаемая фактами (Уайт вообще не бывает голословен), это мысль о большой продуманности земледельческой техники и ее разумной приспособленности к условиям всей хозяйственной системы, а затем и доказательства ее непрерывного развития. Двукратная жатва (сначала срезают одни колосья, а потом

солому), на которую принято ссылаться как на пример убожества рабовладельческой техники, значительно облегчала молотбу и сохраняла солому для разных хозяйственных нужд. Галльская жатка, так экономившая и время и рабочую силу, была очень хороша на ровных пространствах Северо-Восточной Галлии, где сеяли под борону, и не годилась в Италии, где семена забирали в гребни, оставляя между ними широкие борозды и обеспечивая тем самым сохранение влаги на знойное и длительное лето. Рало, главное пахотное орудие древней Италии, только рыхлившее землю, не переворачивая ее, оказывается идеально приспособленным для полужасушливых зон, где посев производится в землю, промокнувшую от зимних дождей, а рост и созревание хлебов приходится на жаркий и сухой сезон. А сколько декламаций по поводу этой жалкой ковырялки было произнесено и нашими и западными учеными. Виноградский нож, описание которого дано Колумеллой (IV, 25), позволяет работнику произвести — им одним — шесть различных операций. Это совершенный инструмент, для создания которого требовалась долгая и упорная работа мысли. Уайт постоянно указывает на это стремление усовершенствовать сельскохозяйственные орудия, облегчить и ускорить работу земледельца (превращение одной доски с зубьями в настоящую зубчатую борону, разные типы рала, приспособленные к местным условиям, многообразие орудий, принадлежащих к одному роду, создание комплексного инструмента, добавление колес к плугу, появление галльской жатки). Эти соображения, подкрепленные неопровержимым фактическим материалом, делают книгу Уайта интересной и важной не только для узкого круга специалистов, занимающихся вопросами античной агрикультуры и агротехники, но и для всех историков.

М. Е. Сергеев

²⁰ E. Babelon, *Monnaies de la re-publique Romaine*, I, P., 1907, стр. 293, рис. 164.

²¹ A. Haudricourt et M. Delamare, *L'homme et la charrue*, P., 1955.

²² Billard, *ук. соч.*, стр. 69.

²³ Varro, *De lingua latina*, par J. Collart, P., 1954, стр. 232.

F. ALTHEIM und R. STIEHL, *Die Araber in der alten Welt*, I—IV, B., 1964—1967

Комплексом сложнейших проблем предстает перед исследователем история арабских племен и государств доисламского времени. Вопросы политической истории, сложность которых объясняется тем, что на протяжении долгого ряда веков эти племена и государства так или иначе взаимодействовали с рядом самых различных государств и этнических образований Ближнего Востока от

древневосточных деспотий до Византии и Сасанидского Ирана; проблемы культурной истории, в первую очередь истории идеологии, истории философских и религиозных учений, сложность которых ясна для каждого, ибо они связаны с возникновением двух мировых религий — христианства и ислама; проблемы филологические и лингвистические и т. д. — весь этот сложнейший узел стал объек-

том исследования в новой серии книг Ф. Альтхайма и Р. Штиль. Авторы, как не раз прежде, взялись за разработку вопросов спорных, дискуссионных, находящихся на стыке различных исторических дисциплин. Безусловно, появление такого рода серии представляет заметное явление в науке о древности.

Подобно некоторым другим работам этих авторов (например пятитомной «Истории гуннов»), рассматриваемый четырехтомник отличается от привычных исследований как по своему характеру, так и особенно по композиции. Содержание книги по охвату проблем гораздо шире ее темы, сформулированной в названии (подразумевающим тоже обширный, но все-таки ограниченный круг проблем). Границы работы весьма расплывчаты, в ней часто появляются разделы, не связанные ни с темой, ни с общим замыслом книги. Это — не монографическое исследование со строгой архитектоникой, обусловленной логикой изучения темы, но скорее сборник отдельных статей, причем подчас трудно понять, почему некоторые из них включены в книгу. Конечно, многие из таких статей весьма ценны. Например, работа И. Вольского во втором томе очень важна для изучения хронологических и династических вопросов истории ранних Аршакидов. Но тем не менее, в книге подобные работы, имеющие весьма отдаленное отношение к истории арабов, выглядят странно.

Помимо разделов, написанных основными авторами, в книге немало (более 20) глав, экскурсов, приложений, принадлежащих другим исследователям, что тоже не способствует единству произведения (хотя бы внешнему).

Усложняет композицию книги и большое число приложений, построенных также весьма своеобразно. Для примера сошлемся на Приложение II первого тома («Мшатта и начало арабского искусства»). Начинается оно с весьма интересных мыслей о соотношении города и замка в позднеантичное и раннесредневековое время, но затем все сводится к полемике Ф. Альтхайма с исследователями, возражавшими против ранней датировки Мшатты, в одной из предшествующих его работ. Подобного рода отклики на критические замечания (подчас и не связанные с тематикой книги) занимают значительное место в четырехтомнике, усложняют и без того запутанную композицию работы и крайне утомительны для читателя. К этому добавляется еще известное количество разделов, по существу представляющих собой рецензии (например разбор книги Г. Виденгрена, посвященной прано-семитским культурным контактам в парфянское время)¹.

Естественно, что работа такого объема и характера вряд ли может быть всесторонне рассмотрена одним рецензентом. Дело не только в том, что авторы зачастую уходят в дебри дискуссий по частным вопросам, и не только в том, что для сколько-нибудь подробного разбора четырехтомника понадобилась бы целая книга, основное заключается в том, что в книге освещено огромное количество вопросов, участвуют многие высококвалифицированные специалисты, выдвигаются часто весьма интересные и крайне спорные точки зрения, которые в будущем, несомненно, привлекут внимание многих ученых самых различных специальностей.

Поэтому мы видим свою задачу в том, чтобы дать самое общее представление о книге.

Первому тому серии предпослано введение Ф. Альтхайма, в котором определены задачи исследования. Ф. Альтхайм, совершенно справедливо указывает на чрезвычайно слабую изученность политической и культурной истории арабов доисламского времени, несмотря на ряд важных открытий и исследований (Аксумская экспедиция, работы А. Мусилы, Г. Рикманса, Ж. Пиренн). Он подчеркивает значение «караванных городов» (Петры, Пальмиры, Хары), связанных с ранней историей арабов и возникавших в результате эллинистических влияний. Сущность монофизитства, сыгравшего столь значительную роль в ранней истории христианства, объясняется им, главным образом, этническими моментами, хотя не отрицается и значение неоплатонизма. Отмечая характерные черты политической истории арабов, Ф. Альтхайм особо подчеркивает, что, с его точки зрения, у арабов всегда преобладали центробежные тенденции, приводившие к постоянному их разъединению. Отсутствие анализа этих явлений с точки зрения социально-экономической структуры общества не позволяет считать это утверждение безусловно справедливым. Большую роль в развитии культуры арабов сыграло их устное творчество, в результате которого был создан общепарабский язык.

Наиболее интересен для антиковеда первый том, в основе проблематики которого лежит (в очерченных выше пределах), анализ сведений об арабских племенах времени приблизительно до Римской империи. В основу методического подхода к решению множества вопросов этого круга положен разбор сведений античных авторов в сопоставлении с данными арабских источников. Большое место принадлежит лингвистическому анализу отдельных терминов, географи-

¹ G. Widengren, *Iranisch-semitisch Kulturbegegnung in parthischer Zeit*,

«Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen», *Geisteswissenschaft*, Heft 70 (1960).

ческих названий и т. п., на основании которых делаются исторические выводы.

Для характеристики содержания тома позволим себе перечислить названия отдельных глав: Серапис; сообщение о начале набатеев; Перипл Эритрейского моря и Курций Руф; Ямбул; Михилы; Оман и Герра; переселение в Восточную Африку; первые поселения в богатом полумесяце; арамейский язык как мировой язык; хананейский язык и арамейский язык; область значения греческого языка на Востоке; этнографические исследования греко-египетских папирусов; местное население от Пунических войн до конца Принципата.

Наибольший интерес вызывают первые главы тома. Глава первая посвящена культу Сераписа и его проникновению в арабскую среду. Трудно согласиться с мнением Ф. Альтхайма о вавилонском происхождении культа этого божества. Видимо, более верны старые концепции происхождения культа Сераписа (например Ф. Ф. Зелинского), связывающие это явление с сознательной реформационной деятельностью, целью которой было привести и религиозные воззрения в соответствие с новыми потребностями царства Птолемея, соединявшего внутри своих пределов греков и египтян, — создать такую форму культа, которая была бы в равной мере приемлема для обеих этнических групп.

Во второй главе рассматриваются вопросы ранней истории царства арабов-набатеев с центром в Петре. Интересны данные, показывающие, что оседание на землю части населения сопровождалось продолжающимся кочевничеством другой. Автор хорошо показывает роль набатеев в постоянной борьбе птолемея и Египта и Селевкидов.

В связи с данной главой хотелось бы сделать следующие замечания: Альтхайм считает первым упоминанием о набатеях у античных авторов сообщение Иеронима из Кардии (в передаче Диодора — XIX, 94,1), о *οἱ Ἀραβες οἱ καλοῦμενοι Ναβαταῖοι*, которые упоминаются в связи с деятельностью Антигона в Сирии в 312 г. до н. э., когда он предпринял попытку подчинить набатеев. У Альтхайма историческая точность этого эпизода не вызывает сомнения. Нам, однако, представляется, что картина здесь более сложная, чем кажется автору.

Рассказ Диодора (Diod., XIX, 94,1—100,9) явственно распадается на несколько частей. В первой дается этнографическое описание арабских племен, условий их жизни, нравов, торговли и т. д. Далее повествуется о двух походах войск Антигона против набатеев, наконец, весь рассказ завершается экскурсом о Мертвом море, добыче асфальта и столкновении, здесь происшедшем. Первая часть сообщения, несомненно, имеет в основе своего рода стандарт описания кочевни-

ков в греко-римской литературе, равно приложимый ко всем племенам, и лишь немногие элементы описания обладают локальной окраской (например, указания о том, на каком расстоянии от населенных мест укрывают своих стариков, детей и имущество набатей во время торжищ). Последняя часть, где сообщается, как собирается асфальт на Мертвом море, как он продается в Египте, о столкновении греков и набатеев, в своей основе легендарна, несмотря на то, что данный сюжет был очень распространен в античной литературе².

Таким образом, весь рассказ состоит из ядра (повествование о двух попытках Антигона покорить набатеев) и двух обрамляющих его отрывков. Первый из них отчасти легендарен, отчасти стереотипен (он построен по общим принципам описания быта кочевников), завершается же рассказ совершенно легендарным отрывком. Из сказанного ясно, что рассказ Диодора имеет сложную композицию и нуждается в более тщательном исследовании. Его нельзя воспринимать как чисто исторический, а именно это и делает Ф. Альтхайм.

Точно так же нуждается в некоторых уточнениях предложенная Ф. Альтхаймом версия событий, связанных с осадой Газы Александром Македонским в 322 г. до н. э. Ф. Альтхайм считает, что это событие заслуживает особого внимания, поскольку здесь впервые в античной историографии упоминаются набатеи, хотя и называемые обычно общим собирательным именем арабов³.

В третьей главе Ф. Альтхайм рассматривает вопрос о датировке «Перипла Эритрейского моря». Он присоединяется

² A. K a m m e r e r, *Pétra et la Nabatène*, P., 1929, стр. 50—51.

³ По Ф. Альтхайму, арабы-набатей были заинтересованы в этом порте на Средиземном море и добровольно, по собственной инициативе, оказали помощь городу против греков. Однако этому противоречат данные Арриана (II, 25), рассказывающего, что правитель города Батис набирал арабов-наемников — *Ἀραβες ... μισθοῦ τοῦ ἐπαγόμενος*. Вряд ли верно и утверждение Ф. Альтхайма, что руководителем обороны был араб Батис (у Курция Руфа — Бетис). Начало рассказа Курция Руфа (IV, 6, 6—30) о событиях в Газе не оставляет сомнения в том, что Курций Руф считал Бетиса персом. Говоря об удивительной преданности царю персов, которых «ни страхом, ни обещаниями нельзя было принудить к словам, которые могли бы выдать тайну» (о местонахождении Дария), Курций Руф сразу же переходит к Бетису, о котором он говорит: «Начальником города был преданный своему царю Бетис» (*praerant urbi Betis, eximiae in regem suum fidei* — IV, 6, 7).

к исследователям, датирующим Перипл 225—230 гг. н. э. (Пирени), но углубляет аргументацию и строит ее несколько по-иному. Сопоставляя произведение Курция Руфа и «Перипл», он приходит к выводу, что оба труда были написаны в начале III в. н. э. Признавая, что новая датировка, особенно в отношении «Перипла», имеет много оснований, мы должны заметить, что в таком случае заслуживают внимательного разбора сведения о парфиях в Индии, которые в случае признания этой датировки оказываются плохо согласованными с остальными историческими данными.

В четвертой главе основное внимание уделяется проблеме взаимоотношений набатеев и птолемеевского Египта, взаимоотношений, которые, как отмечает автор, часто были напряженными, причем набатеи не раз использовали поддержку Селевкидов.

Большой интерес представляет пятая глава, где исследуется творчество Ямбула и связанные с ним образы «счастливых островов», являвшиеся зачастую одним из важных элементов в оппозиционной идеологии. Ямбула Ф. Альтхайм считает набатеем, одним из самых ярких представителей арабской литературы доисламского периода. В числе важнейших источников для его романа была зороастрийская апокалиптика, таким образом проникшая в Римское Средиземноморье и оказавшая тем самым известное влияние на социальные движения Римской империи. Хотя нельзя согласиться с некоторыми положениями Ф. Альтхайма, все-таки мысли, высказанные в этой работе, безусловно, окажут воздействие на разработку проблемы (ирано-греко-латинских) культурных взаимодействий, которая после работ Ритценштейна и Кюмона в основном шла только по пути исследования этих вопросов на основании рукописей Мертвого моря.

Меньшее значение имеют шестая и седьмая главы, в которых автор касается некоторых вопросов истории небольших арабских объединений михьянских племен, Герха и Омана.

Проблемам арабского проникновения в Восточную Африку посвящена восьмая глава, где рассматриваются также некоторые лингвистические вопросы (особенности эфиопского языка и т. п.) и история Аксумского царства. Главный вывод Ф. Альтхайма в том, что в Восточную Африку арабы проникали по морю из Южной Аравии. Объектом их колонизации первоначально была только сравнительно узкая прибрежная полоса. Этот процесс начинается примерно с 300 г. до н. э., но настоящий размах приобретает со времени Римской империи, что связано с возрастанием роли торговли по Красному морю и значения в ней арабов. Оседание арабов в странах так называемого «благоприятного полумесяца» (сиро-

финикийское побережье, Междуречье, Оман) — такова тема глав девятой и двенадцатой, написанных Э. Мерклем. По его мнению, проникновение арабов на эти территории началось уже в последней трети VII в. до н. э., однако лишь в конце существования Селевкидского царства происходит активное распространение здесь различных арабских племен, которые постепенно переходят от кочевого образа жизни к оседлому, что вело к возникновению городов — большей частью крупных торговых центров. Однако эти главы написаны без глубокого анализа специально-экономической стороны этого процесса, в них преобладают данные по политической истории.

В трех лингвистических главах (арамейский язык как мировой язык, хананейский и арамейский языки, область значения греческого языка) развиваются идеи (не новые) о том, что распространение арамейского языка было связано с Ахеменидской державой, где этот язык использовался как государственно-канцелярский. С падением Ахеменидов и возникновением державы Александра Македонского, а затем Селевкидов арамейский язык вытесняется греческим. Можно согласиться в общей форме с основным тезисом авторов, тем более, что обнаружение греческих эпиграфических текстов на крайнем востоке эллинистического мира уже после написания этих глав заметно усилило позиции Ф. Альтхайма и Р. Штиль. Однако представляется, что процесс был несколько более сложен. Можно упомянуть первый Кандагарский эдикт Ашоки, где рядом приведены две версии: греческая и арамейская.

Глава тринадцатая представляет собой перепечатку старой работы Кальдерини, в которой рассматриваются этнические взаимоотношения в Египте.

В четырнадцатой главе (Я. Буриан) исследуется местное население Северной Африки (берберы, пунийцы), их взаимоотношения с античным миром, роль римлян в оседании племен на землю.

Основное содержание тома дополняется приложениями, состоящими из отдельных исследований по частным вопросам и критических заметок Ф. Альтхайма о ряде книг. Здесь же дана перепечатка старой статьи Ламбрехтса о «Корпусе стрелков в Поздней империи».

Менее важен для антиковеда второй том, хотя и в нем имеются материалы, касающиеся античного мира. Ф. Альтхайм вновь возвращается к вопросу о происхождении культа Сераписа, стремясь подкрепить свою точку зрения дополнительными аргументами, но основное содержание тома концентрируется вокруг более поздних исторических периодов первых веков н. э. (примерно до IV в. н. э.), давая картину продолжающихся и углубляющихся контактов араб-

ских племен и античного мира. Несколько глав касаются вопросов политического взаимоотношения арабских племен и государств с Римской империей, роли арабов в римско-персидских отношениях, проблем: арабы и Сасанидское государство (главы «Римское наступление на арабов и нубийцев», «Одейнат и Пальмира», «Арабы на восточноримско-персидской границе в IV столетии», «Шапур II и арабы»). Согласно авторам, начало римского проникновения в области, заселенные арабскими племенами, приходится на время Августа, когда римляне предпринимали известные шаги для укрепления своих позиций в Нубии и на Красном море. Вершина римских успехов в этих районах приходится на время Септимия Севера, когда к Римской империи были присоединены территории современного Адена.

Исследуя Пальмирское царство эпохи Одейната, авторы приходят к выводу о бедуинском происхождении царя. Интересные выводы сделаны относительно состава пальмирской армии, в которую входили арабы: оседлые (ядро войска) и кочевники (вспомогательные отряды).

В изучении персидско-арабских взаимоотношений упор сделан на противоречия между Сасанидским Ираном и мелкими арабскими государствами. Эти вопросы и вопросы места арабов в римско-персидских отношениях решаются авторами с учетом известной книги Н. В. Пигулевской⁴, выводы которой они принимают почти полностью.

При изучении арабско-иудейских отношений (глава пятая «Иудейская миссия у арабов») авторы приходят к выводу о том, что иудейское влияние не имело сколько-нибудь серьезного значения.

Резко выпадает за пределы тематики тома глава, написанная Регорком, посвященная *Res gestae divi Augusti*. Цель этой главы — понять «духовный» мир возникающего принципата. Автор сравнивает текст автобиографии Августа с литературными произведениями того же времени, в которых присутствует тема императора. Наиболее близок, согласно автору, к официальной версии Вергилий, несколько менее — Гораций, у Овидия проскальзывают оппозиционные настроения.

Также довольно далека от основного содержания тома глава, посвященная возникновению секты мандеев.

Лингвистические вопросы разбираются в главах «Хатра и Ниса» и «Начало арабского письменного языка», где утверждается, что распространение арабского языка началось вслед за тем, как арамейский язык прекратил свое суще-

ствование в качестве живого канцелярского языка Сасанидской империи.

Кроме того, в основной части работы содержатся главы о возникновении Аксумского царства, о торговле в Мероэ, критический разбор одной из книг, посвященной кризису III в. н. э.⁵

Из работ, напечатанных в «Приложениях», наиболее интересна статья И. Вольского «Аршак II и генеалогия первых Аршакидов», не имеющая (как мы отметили выше) никакой связи с тематикой тома. Взгляды, развиваемые польским исследователем, уже давно известны ученым, но лишь в последнее время они начинают приобретать признание, хотя только теория И. Вольского свободна от противоречий в объяснении многих вопросов династической истории Парфии на раннем этапе. Более того, в последнее время появились работы, в которых тезисы И. Вольского находят не только признание, но и развитие⁶.

Меньше связан с античной тематикой третий том, где значительное место занимают лингвистические вопросы, эфиопская и арамейская эпиграфика, проблемы устного народного творчества арабов в предисламское и раннеисламское время. Из этого тома имеют значение для изучения античного мира по существу только главы, связанные с религиозной историей.

Ф. Альтхайм совершенно справедливо подчеркивает, что в тех немногих работах по арабской религии, которые были изданы до сего времени (Вельхаузен, Рикманс, Хёфнер), основное внимание уделялось внутреннему развитию религиозных представлений арабов, авторы этих работ интересовались гораздо меньше влиянием культов арабских божеств и арабских религиозных систем на античный мир. Отчасти это объясняется незначительностью такого воздействия, но в то же время недооценивать его не приходится, ибо с ним связаны два столь важных явления, как возвышение солнечного бога Эдмессы в эпоху Северов (когда очень ясно проявлялось стремление превратить его в верховное божество Империи) и возникновение учения монофизитов.

Изучая характер культа эмесского божества, Ф. Альтхайм приходит к выводу об его арабском происхождении, подтверждая эту мысль большим числом параллелей. С его точки зрения, введение культа эмесского божества было хотя и не принятием солярного монотеизма, но все же значительным шагом на пути к нему, что оказало сильное влияние на последующее религиозное развитие Империи вплоть до Константина.

⁵ B. W al s e r, C. P e k a r y, *Die Krise der römischen Reiches*, B., 1962.

⁶ J. N e u s u e r, *Parthian Political Ideology*, «*Iranica antiqua*», vol. 3, p. 1, 1963.

⁴ Н. В. П и г у л е в с к а я, Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв., М.—Л., 1964.

Монофизитские идеи были впервые выдвинуты арабским епископом Бериллом, и в дальнейшем арабы принимали значительное участие в разработке взглядов этого христианского течения. Без этой своего рода подготовительной работы, по мнению Ф. Альтхайма, невозможно понять появление Магомета с его крайним в своей определенности монотеизмом.

Глава пятая «Иисус Галилеянин» посвящена некоторым вопросам сложения христианского писания, решаемым с точки зрения лингвистики. Автор приходит к выводу, что в предании решающие моменты в деятельности Христа связаны с Галилеей, в то же время Иерусалим является местом его гибели — тем самым в предании противопоставляется иудейство, не принявшее мессии, и язычники, оказавшиеся восприимчивыми к проповеди, проводится теологическая идея о переходе добра от неверующих иудеев к уверовавшим язычникам.

Том четвертый можно считать чем-то вроде расширенного приложения ко всему изданию. В него включены добавления к предыдущим томам, исследования новых находок, критические разборы ряда книг.

Из опубликованных в томе материалов наибольшее внимание привлекают новые переводы арамейских надписей из Хатры, особенно надписи № 79, изданной впервые Фуад Сафаром в 1961 г. Согласно

толкованию Ф. Альтхайма, в ней содержатся сведения о поражении римских войск под Хатрой во время похода Траяна.

В этой же главе крайне интересна попытка дать генеалогию хатрских царей и хронологическое изменение их титулатуры — «господин» — «царь арабов» — «царь». Хотя в доказательствах Ф. Альтхайма много спорного, тем не менее его построение очень важно, ибо это первый опыт такого рода, ставший возможным благодаря последним раскопкам в Хатре, принесшим богатый эпиграфический материал.

Заканчивая этот краткий обзор, можно сказать, что при всех недостатках рассматриваемый четырехтомник займет заметное место в историографии. Безусловно, к нему неоднократно будут обращаться ученые разных специальностей. Хотя многие утверждения авторов крайне спорны, а может быть, именно благодаря этому, они будят мысль, заставляют пристально вглядываться во многие ставшие привычными факты и концепции, переоценивать многие устоявшиеся представления. Смелость мысли, нелюбовь к трафаретным решениям — вот что прежде всего характеризует весь труд. Рецензируемая работа несомненно вызовет еще не одну дискуссию, а это самое ценное в науке.

Г. К.